

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ
ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Ахророва Низора Сабировна,

ассистент кафедры Узбек (рус) тили,

Ташкентский государственный транспортный университет,

г.Ташкент, Узбекистан

АННОТАЦИЯ: *Статья посвящена сопоставительному анализу средств выражения времени в русском и узбекском языках на материале профессиональных текстов транспортной отрасли. Цель исследования – выявить типологические различия темпоральных систем двух языков и определить особенности их функционирования в отраслевом дискурсе.*

Ключевые слова: *типология, грамматическое время, вид, узбекский язык, русский язык, транспортная отрасль, профессиональный текст, эвиденциальность.*

Поскольку выражение времени является одной из базовых грамматических категорий, формирующих смысловую организацию текста, то исследование темпоральных моделей в двуязычном сопоставлении позволяет, с одной стороны, уточнить типологические параметры языков разного строя, а с другой – описать жанровую специфику текстов инструктивного, отчётного и регламентирующего характера. Как отмечается в функциональной грамматике, темпоральность тесно связана с категорией вида, аспектуальностью высказывания и прагматической направленностью текста [Маслов Ю.С. 1984: 55–58], поэтому рассмотрение данного вопроса в профессиональном подязыке особенно важно.

В русистике традиционно подчёркивается аспектуально-центристская природа глагольной системы русского языка, где соотношение видов – совершенного и несовершенного – определяет интерпретацию временных форм значительно сильнее, чем собственно хронологическая локализация

[Бондарко А.В. 1991: 102–115]. Вследствие этого в профессиональных текстах транспортной отрасли русское настоящее время широко используется как форма вневременной предписывающей актуальности: «оператор включает насос...», «диспетчер производит проверку...», что выражает нормативное действие и не привязано к конкретному моменту речи [Толстая С.М. 2002: 64–66]. Одновременно в отчётных документах доминирует прошедшее время совершенного вида, фиксирующее завершённость события: «поезд остановился», «произошло отключение». Будущее же время употребляется преимущественно в регламентах, когда необходимо обозначить плановую или предписанную процедуру. При этом, как неоднократно подчёркивалось в работах по функциональной грамматике текста [Левин Ю.И. 1998: 40–49], именно вид глагола определяет степень результативности и «силу события» в официально-деловом дискурсе.

Совершенно иная картина наблюдается в узбекском языке, который относится к агглютинативному типу и характеризуется чётко выраженной морфологической темпоральностью. Исследователи узбекской грамматики подчёркивают, что временные значения строятся преимущественно аффиксальным способом, а также включают развитую систему эвиденциальности – различие форм фактивного знания и косвенной осведомлённости [Ш.Рахматуллаев 1996: 120–129; А.Хожиев 2010: 73–80]. Так, формы прошедшего времени –*di* передают факт реально произошедшего события, тогда как –*kan* и –*mish* маркируют информацию, полученную со слов других лиц, что особенно значимо в отчётах о происшествиях: «*nosozlik yuz bergan ekan*» – «как сообщается, произошла неисправность». Настоящее время с аффиксом –*(i)ladi* широко используется в инструкциях и технических описаниях, выражая постоянный нормативный характер действия: «*mashina ishga tushiriladi*». В отличие от русского языка, где вид играет ключевую роль, в узбекском языке его функцию частично выполняют аналитические конструкции повторяемости и длительности типа – *a turadi*, – *ib turadi* [А.Нурмонов 2001: 55–60].

Важно отметить, что жанровая специфика профессиональных текстов оказывает прямое влияние на распределение временных форм, формируя так называемую вторичную грамматику жанра. Например, инструкции в обоих языках тяготеют к настоящему времени как к форме нормативного предписания, однако в русском языке это настоящее «вневременное», а в узбекском – морфологически маркированное настоящее с аффиксом – *iladi*, что усиливает его процессуально-пассивный характер. В отчётах русские формы прошедшего совершенного вида структурируют хронологию событий, тогда как узбекские формы – *di* и – *kan/- mish* дополнительно кодируют степень достоверности источника. Регламенты обоих языков используют будущее время, однако в узбекском языке оно выражено аффиксально – *adi / – iladi* и связано с установлением официальной обязательной процедуры [М.Турдалиева 2015: 31–35; М.Абдуллоев 2019: 45–53].

Сопоставительный анализ переводных соответствий показывает, что при переводе с русского языка на узбекский ключевую сложность представляет передача видовой результативности. Так, русское «система отключилась» требует дифференциации между результатом действия и агентной пассивностью, что регулируется выбором между *o'chdi* и *o'chirildi*. Наоборот, при переводе с узбекского на русский трудность вызывает передача эвиденциальных значений, поскольку русский язык не обладает грамматически закреплённой категорией эвиденциальности, и переводчик вынужден компенсировать её лексическими средствами: «как сообщается», «по имеющимся данным», «со слов очевидцев».

Переводческие трудности:

Передача вида (рус. → узб.)

Русское: *система отключилась*. Узбекское требует передачи **результативности**, т.е. *sistema o'chdi* (результат) или *o'chirildi* (агентная пассивность). **Передача эвиденциальности (узб. → рус.)**

Узбекское: *nosozlik* *uz* *bergan* *ekan.*

Русский эквивалент должен учитывать оттенок косвенной осведомленности: *как сообщается, произошла неисправность.*

Анализ показал, что различия между системами носят **структурный характер**:

- **Русский язык** – система с сильными аспектуальными значениями, где время и вид взаимодействуют.
- **Узбекский язык** – система с сильной морфологической темпоральностью и выраженной эвиденциальностью.

Влияние жанра оказывается столь значительным, что можно говорить о «вторичной грамматике жанра»: одни и те же временные формы используются с постоянной прагматической нагрузкой.

Это подтверждает наблюдения исследователей, согласно которым перенос грамматических значений из агглютинативного языка в синтетический требует семантических трансформаций [Н.Махмудов 2010: 22–27].

Таким образом, сопоставительный анализ выявил, что различия между русской и узбекской темпоральными системами носят системный характер и проявляются особенно отчётливо в профессиональном дискурсе транспортной отрасли. Русский язык функционирует как система с ярко выраженной аспектуальностью, где время и вид образуют функциональное единство, определяющее интерпретацию действия. Узбекский язык, напротив, демонстрирует морфологическую темпоральность и развитую эвиденциальность, обеспечивающую высокий уровень дифференциации источника информации. В результате можно утверждать, что жанр текста формирует устойчивые типовые модели употребления временных форм, независимо от типологических особенностей языка.

Жанровые различия:

Жанр	Русский	Узбекский
Инструкции	настоящее вневременное	настоящее –(i)ladi
Отчеты	прошедшее совершенное	фактивное – di, эвиденциальное – kan/– mish
Регламенты	будущее	будущее – adi / – iladi
Техническое описание	настоящее описательное	настоящее описательное

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для повышения качества перевода отраслевых документов, разработки специализированных корпусов, уточнения алгоритмов машинного перевода и улучшения нормативных стандартов двуязычной документации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Левин Ю.И. Функциональная грамматика текста. «Языки русской культуры», – Москва, 1998.
2. Маслов Ю.С. *Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению*. – М.: Просвещение, 1991.
  3. Рахматуллаев Ш. *Ўзбек тили грамматикаси*. Ўзбекистон ССР «Фан» нашриёти, – Тошкент, 1975.
  4. Турдалиева М. Терминология транспортной отрасли: эволюция и особенности.
  5. Бондарко А.В. Русский глагольный вид. Языки славянской культуры», – Москва, 2002.
  6. Нурмонов А. *Ўзбек тилининг назарий грамматикаси (синтаксис) «Ўқитувчи» нашриёти*, – Тошкент, 1995
  7. Хожиев А. *Ўзбек тилида эвиденциаллик категорияси*. – Ташкент: Фан, 2015.
Толстая С.М. *Урок иностранного языка в средней школе*. – М.: Просвещение, 1989.
  8. Abdulloev M. Transport safety documentation in Uzbek professional discourse.

9. Махмудов Н., А. Нурмонов. Ўзбек тилининг назарий грамматикаси (синтаксис) «Ўқитувчи» нашриёти, – Тошкент, 1995